

ВИКТОР ХАРЕБОВ
СЕРГЕЙ ХАРЕБОВ

ФАНТОМНЫЕ ОСТРОВА

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

© Виктор Харебов, 2025

© Сергей Харебов, 2025

Острова, которых нет на карте, всегда притягивали сильнее, чем земли, исчерченные линиями и названиями. Веками такие карты считались плодами воображения или заблуждениями мореплавателей... Но что, если эти острова исчезли не потому, что их не было, а потому, что мы разучились их видеть? В архиве Ватикана монах Бенедетто находит карту с несуществующими островами — и вместе с хранительницей Серафиной отправляется на их поиски.

12+

ОГЛАВЛЕНИЕ

[Фантомные острова](#)

[Предисловие](#)

[Глава 1. Тень Сан-Борондона](#)

[Глава 2. Cartographia umbra](#)

[Глава 3. Свет между слоями](#)

[Глава 4. Место, где карта складывается внутрь](#)

[Глава 5. Лабиринт с обратной стороны карты](#)

[Глава 6. Хроники тех, кто исчез](#)

[Глава 7. Топография возвращения](#)

[Глава 8. После карты – тень](#)

[Послесловие от авторов](#)

[Примечание: О мистике и памяти](#)

ПРЕДИСЛОВИЕ

История, изложенная в этой повести, основана на документах, найденных в архивных фондах Ватикана, а также на устных свидетельствах, передававшихся среди сотрудников картографической секции. Речь идет о человеке по имени Бенедетто, иезуите, который в середине XVII века изучал старинные карты и рукописи, связанные с так называемыми фантомными островами – географическими объектами, появлявшимися и исчезающими на протяжении столетий на картах различных мореплавателей.

Фантомные острова не имели постоянных координат и нередко исчезали из последующих изданий атласов, оставляя после себя лишь вопросы. В научной традиции их существование объяснялось ошибками, оптическими иллюзиями или особенностями навигационных измерений прошлого. Однако в материалах, собранных Бенедетто, содержатся иные предположения, выходящие за рамки рационального объяснения.

Работа монаха в Ватиканской библиотеке привела его к открытиям, которые затронули не только область географии, но и более глубокие представления о восприятии пространства, времени и памяти. Его исследования постепенно приняли характер внутреннего поиска, в котором граница между научным подходом и личной одержимостью становилась все менее различимой.

Цель этой повести – изложить события, сохранившиеся в записях, не добавляя художественных преувеличений. Читателю предстоит самостоятельно решить, как относиться к описанным явлениям: как к редкому историческому эпизоду, как к мистическому

опыту или как к свидетельству о феномене, природа которого до сих пор не получила однозначного объяснения.

ГЛАВА 1. ТЕНЬ САН-БОРОНДОНА

Бенедетто Веккио родился в небольшом приморском городе в Апулии, где с детства привык наблюдать линии горизонта и переменчивость моря. Его мать умерла рано, отец служил в порту, и мальчик часто проводил вечера в одиночестве, рассматривая старые морские карты, оставшиеся от дяди, некогда служившего штурманом. Именно в этих пожелтевших листах он впервые увидел острова без названия – маленькие точки на краю карт, рядом с которыми часто стояли пометки вроде *non verificatum* (не подтверждено), *dubium* (сомнительно) или просто – *oblitus* (забыто).

В пятнадцать лет он поступил в иезуитскую школу при монастыре Святого Савина. Там его способности к языкам быстро стали очевидны. Он в совершенстве овладел латынью и древнегреческим, проявил необычайную память и особое внимание к деталям в текстах и изображениях. Учителя говорили о нем как о тихом и внимательном ученике с сосредоточенным взглядом и точным мышлением. Окончив школу, Бенедетто был направлен в Рим, в Папский Григорианский университет, где изучал теологию и философию. Он выбрал себе специализацию по истории раннехристианской географии и символических карт.

В это время он уже знал о существовании Сан-Борондона – легендарного острова, упоминаемого в испанских хрониках. Согласно одной из версий, этот остров видели канарские рыбаки,

но при приближении он исчезал, будто растворяясь в тумане. Исследования Бенедетто сначала касались исключительно исторических аспектов картографии, но постепенно интерес сосредоточился на феномене исчезающих островов. Он начал собирать упоминания из разных источников – средневековых портуланов, арабских описаний морей, скандинавских саг.

В монастыре, где он проходил ординатуру, старший наставник, отец Армано, заметил его растущий интерес. Однажды после службы он задержал Бенедетто у дверей библиотеки.

– Ты вновь изучал морские карты, сын мой? – спросил он, не глядя в лицо, перелистывая страницы молитвенника.

– Да, отец, – ответил Бенедетто, – я нашел несколько совпадений в рукописях из разных эпох. Один и тот же остров появляется с интервалом в несколько столетий, но каждый раз – под другим именем.

Отец Армано помолчал, затем сказал:

– Есть острова, которых не должно быть. Некоторые считают их следствием ошибки, другие – искушением. Мы, монахи, обязаны различать одно от другого.

Он положил руку на плечо Бенедетто.

– Я напишу рекомендательное письмо. Тебе следует отправиться в Ватикан. Там ты найдешь не только книги, но и людей, которые знают больше, чем кажется.

Через месяц Бенедетто уже проходил по вестибюлю Апостольской библиотеки. Его аккредитация была подтверждена, и ему выделили рабочее место в подземной секции, известной как *cartographia minor*. Она не была открыта для широкой публики и использовалась для работы с материалами, находящимися на границе классификации: не поддельными, но и не подтвержденными. Там он впервые встретил сестру Серафину.

Она стояла у одного из шкафов, перебирая листы вручную, без перчаток – редкость в архивах. Он сразу обратил внимание на ее сосредоточенность и странную манеру работать при приглушенном свете, хотя в зале были современные лампы.

– Простите, вы работаете с разделом фантомных островов? – спросил он, подойдя.

Сестра обернулась и кивнула.

– А вы – Бенедетто Веккио, иезуит из Апулии. Вам выделили стол у окна. Сюда редко кого направляют без причины.

– Меня интересует Сан-Борондон. Но чем больше я читаю, тем больше вопросов.

Серафина улыбнулась чуть заметно.

– Вопросы – это начало пути. В секции *cartographia umbra* мы изучаем не только карты, но и их тени. Некоторые острова проявляются только при определенном свете. Или в определенные дни. Это кажется странным, но вы скоро поймете.

В последующие недели Бенедетто все чаще работал с сестрой Серафиной. Она показывала ему редкие атласы и схемы, не включенные в официальные каталоги. Один из них представлял собой круговую диаграмму с символами вместо дат и непонятными временными обозначениями по периметру. В центре – контур острова без названия, очертания которого напоминали сразу несколько известных фантомных точек – Сан-Борондон, остров Святого Матфея, Хи-Бразил.

– Это схема совпадения, – объяснила сестра Серафина. – В определенные часы и дни контуры начинают совпадать с действительностью. Как если бы мир становился на мгновение прозрачным.

Он слушал с затаенным вниманием. Внутри нарастало чувство, что перед ним открывается нечто большее, чем географический феномен. В некоторых старых рукописях он начал замечать странные повторы: разные имена, но один и тот же стиль письма. Почерк сходен, обороты – идентичны. В одном из таких документов он прочитал фразу: *«Сестра, что ведет за грань, никогда не уходит. Она просто меняет лицо.»*

Он показал этот фрагмент сестре Серафине. Она подержала лист в руках, словно читая не только текст, но и саму бумагу.

– Мы здесь бываем не впервые, – сказала она. – Просто этого не помним.

Он не стал задавать лишних вопросов.

В начале ноября сестра Серафима неожиданно исчезла. Дверь в ее секцию оказалась опечатана. Сотрудники говорили, что она якобы уехала, но в списках командировок ее имя не значилось. Более того, в электронном каталоге перестали отображаться даже ссылки на те материалы, с которыми они вместе работали.

Бенедетто начал поиски. Несколько ночей он провел в читальном зале, перебирая карточки вручную. И однажды, на полке, куда обычно ставили книги на реставрацию, он нашел конверт без подписи. Внутри – небольшой лист бумаги, на котором рукой было выведено:

«Ты видел лишь одну сторону. Но карта – всегда двойная. Я жду тебя там, где нет координат.»

Он вложил записку обратно в конверт и спрятал его между страницами молитвенника.

ГЛАВА 2. CARTOGRAPHIA UMBRA

После исчезновения сестры Серафины дни в библиотеке приняли механический, замкнутый характер. Бенедетто продолжал приходить в читальный зал, хотя понимал: материалы, связывавшие его с недавними открытиями, стали недоступны. Доступ в секцию *cartographia umbra* был закрыт без объяснений. Код пропуска больше не принимался системой, а внутренние каталоги не выдавали даже метаданных.

Оставалось работать с тем, что еще не было отозвано. Старые карты, справочники, аннотированные тома картографов XVIII века, записи хронистов – все казалось привычным и безопасным. Но постепенно стало ясно: даже здесь есть следы, которых прежде не замечал.

В одном из книгосборов, под шифром *Cod. V. Cart. 1847*, среди страниц без маркировки лежал необычный лист. На первый взгляд – обычный контур острова, сильно стилизованный, но линии были нанесены неровным нажимом, будто рисовал человек, не видя бумаги. Ни названия, ни координат – лишь пометка у нижнего края: *per lucem meridianam* – «при свете полуденном».

Карта легла на стол под солнечный луч. При обычном освещении остров выглядел плоским и неопределенным. Когда свет прошел сквозь облака и упал под прямым углом, очертания проявились точнее: изгибы берегов словно приобрели объем. В центре

проступил символ — круг, пересеченный двойной линией. Образ казался знакомым, хотя память не подсказывала, где он встречался.

В ту ночь Бенедетто поздно вернулся в монастырь. В келье попытался воспроизвести знак на бумаге, но форма ускользала, будто принадлежала не зрению, а иной — внутренней — области восприятия.

Во сне библиотека выглядела иначе. Коридоры — бесконечно длинные, полки — до потолка, книги — безмолвные. В глубине зала стояла Серафина. За ее спиной — сияющее пространство, похожее на карту, в которую можно войти. Бенедетто сделал шаг, но она, не оборачиваясь, сказала:

— Только когда ты не ищешь место, ты можешь найти его.

Пробуждение было резким. Мысль, как молния: нужно вернуться в архив до рассвета.

К утру стоял у двери секции *cartographia umbra*. Панель по-прежнему гасла при попытке приложить карточку. Сел на скамью в боковом коридоре, выжидая смену охраны. Когда служитель прошел мимо, тихо скользнул в служебный проход, ведущий к техническому входу фондохранилища.

Эта дверь не предназначалась для исследователей — через нее ввозили ящики и свитки. Дверь была заперта, но архивист по какой-то причине оставил ключ в скважине замка. Бенедетто не стал открывать дверь. Просто сел у стены, положив папку на колени, и стал ждать. Через полчаса дверь открыла пожилая женщина — она подошла почти бесшумно, катя перед собой пустую тележку.

— Ты знал, что я открою? — спросила она, не удивившись его присутствию.

Ответа не последовало — только короткий кивок.

Женщина впустила его внутрь. Через боковой проход он снова оказался среди шкафов и ящиков *umbra*. Все было на месте, но воздух стал плотнее, как будто сам архив затаил дыхание. Свет едва доходил до дальних стеллажей.

Бенедетто прошел к ящику, с которым работал вместе с Серафиной. Внутри лежал один-единственный предмет — пергамент с тончайшими прорезями. Почти прозрачный, он просвечивал под лучом фонаря. Сквозь его волокна проступала

карта, найденная прежде. Изображения совпадали с точностью до линии: один был оттиском другого, словно негатив.

Линии дрогнули – пространство сложилось воедино. Не осталось страха, лишь одна ясность: он нашел то, что искал всю жизнь.

И вдруг – легкий звук. Не шаг и не скрип. Скорее изменение самой акустики зала, словно кто-то вошел не через дверь, а через ткань воздуха.

Серафины не было. На столе лежала записка:

«Карта – это не место, а след. Когда след становится замкнутым, он открывается. Тот, кто нашел путь однажды, находит его снова. Не бойся следующего слоя.»

Без подписи и даты. Вторая записка была написана тем же почерком – тем самым, что он уже видел на конверте первой.

Бенедетто, помедлив, аккуратно вложил сложенную вчетверо записку в свою записную книжку, словно опасаясь, что она может исчезнуть. На выходе дверь снова открылась – бесшумно, словно заранее знала, что он выйдет из комнаты.

Наутро сообщили: доступ в архив ограничен по внутреннему распоряжению. Причину не назвали. Работа подходила к концу.

В тот же день Бенедетто вырезал копию из пергамента и наложил ее на географическую сетку. Результат удивил: точки совпадали с местами, где в разные эпохи наблюдали фантомные острова. Но совпадения проявлялись лишь в определенные часы.

Последняя запись в дневнике гласила:

«День, час, полдень. В этом – вся география, которой нет в учебниках.»

ГЛАВА 3. СВЕТ МЕЖДУ СЛОЯМИ

В те дни Ватикан стоял в дымке осенней сырости. Легкий туман окутывал площади и крыши, будто город скрывался в дополнительных измерениях. Бенедетто все реже покидал библиотечный квартал. Дневник он продолжал вести, но записи становились все более фрагментарными. Время перестало течь по прямой – складывалось, возвращалось, пересекалось само с собой. Ночь и день больше не казались чередующимися состояниями, а выглядели как переплетенные слои одного и того же пространства. Ощущение, что за тонкой пленкой обыденного скрыто нечто иное, стало постоянным.

С момента, когда пергамент и карта совпали, восприятие изменилось. В зале вдруг стали различимы едва уловимые движения воздуха – страницы будто дышали, шкафы жили собственной жизнью, а свет из окна казался не отражением солнца, а сиянием изнутри, из другой геометрии. В ту неделю Бенедетто почти не разговаривал ни с кем. Архивисты, кажется, и сами избегали его взглядов.

Порой в полдень тени предметов становились чуть длиннее, чем положено. Солнце будто касалось их под иным углом. В эти минуты на столе или полу непременно возникала мелочь, которой не было раньше: соринка, клочок бумаги, закладка в книге, что, казалось, еще не открывалась.

Однажды, в пятницу, он сидел в читальном зале и перелистывал фолиант с космографическими сочинениями XVI века. Страницы фолианта были испещрены кругами, лестницами, зеркалами, плывущими над океанами. Один лист был испорчен влагой, чернила размыты, но в углу уцелела фраза: *«non locus sed vestigium»* – «не место, а след».

Эти слова уже встречались прежде – на карте, найденной в странной папке: *«Место можно стереть, но след остается – как память, отражение, тень.»* Он записал выражение в дневник, и впервые его мысли обратились к тому, что же такое «след». Не часть пространства и не координата, а отпечаток на ткани реальности, который остается, даже если объект исчез? Если остров не существует, но его форма живет в памяти, тексте, воображении – значит ли это, что он все же был?

Вспомнились слова Серафины: «Некоторые карты – это врата». Возможно, карта – не изображение, а механизм. Или язык. С тех пор он стал вычеркивать названия островов, заменяя их символами: вместо «Сан-Борондон» – Ø, вместо «Хи-Бразил» – Θ. Интерес теперь был не в *где*, а в *когда*.

Вечером субботы остался в архиве допоздна. Свет лампы отбрасывал на стены неестественно четкие тени. Когда поднял глаза, показалось – у дальней колонны шевельнулась фигура. Подошел, но там никого. Только тонкий след на полу, будто кто-то провел пальцем по пыли, очертив округлость.

В центре круга лежал лист – свежий, словно только что отпечатанный. На нем – геометрическая схема: четыре concentрических круга, разделенных по радиусам и вписанных в прямоугольную сетку. По углам – странные символы, похожие на астрологические знаки. В центре – контур острова, безымянный, с двумя отверстиями по краям, будто перед ним не земля, а маска.

Собрав все найденные схемы, Бенедетто наложил их друг на друга. Пергамент, круговая диаграмма, новый лист – вместе они образовали пространственную структуру, напоминающую камеру-обскуру. Как будто кто-то пытался вернуть объем через совмещение двухмерных проекций.

Когда погасил лампу, в зал проник лунный свет. Он упал на стол, и линии зажили собственным светом. На пересечении кругов проступила надпись почти невидимыми чернилами: «*Umbrae lucem docent*» – «Тени учат свет».

Фраза поразила. В ней звучал парадокс: как может тень быть учителем света? Но ведь именно по форме тени можно понять направление, силу и источник сияния. Без тени не распознать свет. Возможно, фантомные острова – не цель, а способ видеть.

Все, что Бенедетто читал и собирал, вдруг сложилось в единую структуру – не объяснение, а ритм. Карты оказались не ошибками, не иллюзиями, а записями моментов, когда граница между мирами становилась проницаемой.

Когда он вышел из архива, небо уже светлело. Улица дышала предрассветной свежестью. Тени от фонарей были непропорционально длинны, словно солнце касалось их с другого края земли.

Бенедетто шел, ведомый одним лишь ощущением: между слоями утреннего света скрывается то, чего он давно ждал.

ГЛАВА 4. МЕСТО, ГДЕ КАРТА СКЛАДЫВАЕТСЯ ВНУТРЬ

Прошло несколько недель. Формально Бенедетто все еще числился среди научных стажеров при Апостольской библиотеке, но по существу уже не принадлежал ни академическому корпусу, ни монашескому распорядку. Дни утратили связь с часами. Просыпался не от звона колокола, а от ощущения, будто кто-то тихо зовет по имени. Голос менялся – то женский, то старческий, однажды детский, – но исходил не снаружи, а словно изнутри пространства. В такие минуты он садился за стол и открывал дневник, делая записи не словами, а знаками – круги, спирали, линии, пересекающиеся под острым углом. Потом закрывал тетрадь и выходил из кельи, чтобы вновь оказаться в библиотеке.

Доступ в секцию *cartographia umbra* оставался закрытым, и Бенедетто стал блуждать по другим залам. Двигался не как исследователь, а будто по следу. На корешках книг начали повторяться одни и те же знаки – не инвентарные, а едва заметные, будто выжженные или процарапанные ногтем. Один, похожий на равнобедренный треугольник с двойной вершиной, встречался сразу в трех отделах: среди космографических трактатов, в коллекции апокрифов и в шкафу с сочинениями о музыке сфер.

Все найденные символы он переносил в отдельную тетрадь. С каждой записью возникало странное ощущение – будто кто-то уже проделывал ту же работу. Ни имени, ни даты, но в логике сборки,

в самом порядке мыслей ощущалась знакомая рука, как если бы мысль ждала повторения.

В один из вечеров, листая том под заглавием *Tabulae Occultae*, Бенедетто заметил, что страницы отбрасывают неправильную тень – дрожащую, неустойчивую, будто между текстом и светом стоит прозрачная завеса. Изменив угол лампы, он увидел на полях надписи, проступающие лишь в косом свете:

«*География не фиксирует землю. Она фиксирует ее воспоминание.*»

«*Если остров исчезает – значит, начал вспоминать себя.*»

«*Место, которого нет, не равно пустоте. Это складка. Там карта обращается внутрь.*»

Слова завораживали не смыслом, а внутренним порядком – как язык, который еще не освоен, но уже понятен.

Мысль о складке не отпускала. В каталогах попалась заметка, пронумерованная вручную – *Appendix O*. В ней упоминался *Codex Umbrosus*, «исчезнувший том», который «не был утрачен, а вернулся в ту точку, где начался». Последняя строка гласила: «*Если видишь тень на листе, когда света нет – лист тебя помнит.*» Фраза показалась откровением. Страницы будто могли отвечать на взгляд.

Со временем книги начали вести себя странно. Оставленный на столе фолиант наутро оказывался раскрытым на другом месте. В издании с водяной печатью Ватикана появилась новая – зеркальная, перевернутая. Внутри – одно слово: *Seraphina*.

Рациональное мышление отступало. Создавалось ощущение, что залы и книги – лишь видимая поверхность, за которой скрывается дышащая, многослойная структура мироздания.

Ночью Бенедетто проснулся от внутреннего толчка – будто сердце отозвалось на беззвучный зов. В неподвижной темноте воздух стал густым и вязким, и в нем зародилось чувство чужого присутствия. Он увидел на полу тень, которую не мог отбросить ни один предмет в комнате. Это была вытянутая фигура, человеческая по форме, но с искаженными пропорциями: руки – слишком длинные, голова – неестественно смещена вбок.

И тут он понял: страха не было. Словно движимый неведомым импульсом, он сделал шаг и провел ладонью над тенью. Она не

дрогнула и не исчезла.

Взгляд упал на дневник, лежавший на полу как раз на краю этой тени. И он увидел, как бумага на его обложке начала темнеть – будто чернила проступали изнутри. Бенедетто сел рядом и заговорил тихо:

– Если существуешь – я готов слушать. Не требую знаков. Только присутствие.

Ответа не последовало. Но следующей ночью на странице появилась надпись, выведенная старолатинским курсивом:

Idem locus, sed non idem homo.

«То же место, но не тот человек.»

Мысль поразила: кто-то уже проходил этим путем, возможно не раз, меняясь с каждым возвращением. Может быть, сам Бенедетто – один из таких повторений.

Наутро он спустился в нижний уровень архива, где хранились списки временно исключенных материалов. В длинной таблице значились утерянные и перемещенные объекты. Внизу – приписка карандашом: *«Маска острова. Образ не подлежит изучению. Плотность переменна. Контур живет.»*

Постепенно к нему пришло ясное понимание: остров – не географическая точка, а структура восприятия, возникающая в момент встречи взгляда картографа с линией берега. Это открытие знаменовало собой фундаментальный переход: от внешнего поиска – к внутреннему прозрению.

Фантомный остров не появляется по воле исследователя – он проявляется в акте узнавания. Он понял: искать – значит направлять внимание вовне, а узнавать – возвращать его внутрь, к первоисточнику восприятия. Там, в глубине, реальность не находится, а рождается заново в самом акте ее осознания.

И, возможно, он уже пересек эту зону резонанса – не как наблюдатель, а как отпечаток сознания на границе между образом и реальностью, там, где карта перестает быть символом и становится процессом.

Свет за окном падал под странным углом, высвечивая в воздухе очертания форм, не имеющих имени. И тогда он осознал: все это всегда было – лишь ожидало, чтобы его узнали.

Теперь он мог продолжить путь – не сквозь пространство, а вглубь узнавания.

ГЛАВА 5. ЛАБИРИНТ С ОБРАТНОЙ СТОРОНЫ КАРТЫ

В глубинах ватиканского архива существуют зоны, которых нет ни на одном плане. О них не упоминают в инструкциях и не говорят даже старые хранители. Это не тайные комнаты в романтическом смысле – не подземелья с тяжелыми дверями и сундуками, а скорее промежутки – места, становящиеся видимыми только тогда, когда кто-то смотрит в нужном направлении. Бенедетто оказался в одной из таких зон, не заметив, когда именно перешел границу.

Он шел привычным коридором между секцией восточных манускриптов и залом графики XVI века. Свет всегда был ровный, мягкий, но теперь лампы будто дышали, а тени по стенам плавали, как волны на воде. За очередным поворотом стены сомкнулись. В наступившей тишине шаги стали глухими – ему почудилось, будто он ступает не по камню, а по чему-то мягкому, вроде вспаханной земли. Обернувшись, Бенедетто увидел, что проход исчез: на его месте – стена, деревянная, потрескавшаяся, и в этих трещинах угадывались очертания карты.

Понимание пришло сразу – переступлена невидимая черта. Страх не появился, только чувство наблюдения, как будто кто-то читал его путь построчно.

Ряды книг тянулись в глубину, собранные будто из разных эпох: тяжелые фолианты соседствовали с тонкими тетрадями, старинные переплеты – с современными обложками. На корешках – не названия, а знаки: треугольники, круги, волны. Бенедетто взял

один том – страницы пусты, но теплые, словно хранили дыхание. На последнем листе – спираль, в центре – глаз. Подпись на греческом: *Ὁ ἑαυτὸν ἰδὼν κατὰ σκιάν* – «Увидевший себя как тень».

Он поставил книгу на полку. За спиной прозвучал голос:

– Ты нашел вход.

У колонны стояла фигура в сером. Свет обходил ее, будто боялся касаться.

– Кто вы? – спросил Бенедетто.

– Один из тех, кого карта не отпустила. Возможно, не отпустит и тебя.

– Это место – часть библиотеки?

– Нет. Складка между слоями. Здесь хранятся не книги, а их эхо. Когда кто-то слишком долго читает одну карту, она открывает внутреннюю сторону.

– Это связано с Серафиной?

Фигура кивнула.

– Сестра, ведущая за грань, – не имя, а роль. Когда ты вошел, она отступила. Теперь путь – твой.

Бенедетто шагнул вперед, но тень растворилась в полумраке. Последние слова донес шепот:

– Иди, но помни – остров существует, пока ты готов найти его.

Перед ним стоял стол. На нем – круглый прибор со стрелкой, вращающейся без делений. Лишь символы: руны, углы, волнистые линии. Прикосновение – и стрелка дрогнула, замерев на знаке, напоминающем очертания Сан-Борондона. Воздух стал влажным, пахнул солью, стены задрожали, будто перестали быть твердыми.

Плеск воды заполнил пространство. Когда открыл глаза, зал опустел. Только стол и узкий проход вниз.

Лестница вела глубоко. Камень холоден, стены покрыты влагой, через каждые двадцать ступеней – вырезанные символы, повторяющиеся, как мотив сна. Прикосновение заставляло их вибрировать.

На последнем пролете – каменная дверь без замка. На ней – надпись: *Soror Seraphina*.

Внутри – круглое помещение с высоким куполом. В центре – алтарь, лишенный украшений. Вокруг – шесть арок, уходящих

в темноту. Над каждой – карта, но не географическая: линии напоминали нервные волокна, изгибы – дыхание. Под первой аркой – *Initium* (начало), под второй – *Memoria* (память), под третьей – *Vestigium* (след). Остальные скрыты тканью.

Бенедетто сделал шаг – и услышал шаги позади.

– Не думала, что ты дойдешь, – сказала Серафина.

Она стояла у входа: та же ряса, тот же тихий свет в глазах.

– Ты исчезла, – прошептал он. – Твое имя стерли из списков.

– Я не исчезала. Карта сложилась, и мне пришлось перейти на другую сторону.

– Ты ждала меня?

– Нет. Остров ждал. Мы все – отражения его памяти.

– Что это за место?

– Не архив. Точка, где пространство вспоминает себя. Здесь хранятся не вещи, а возможность быть.

В воздухе пахло ладаном и солью.

– Все это похоже на сон, – сказал Бенедетто почти шепотом.

– Сон – способ тела объяснить невозможное. А ты видишь: это реальнее сна.

– Зачем все это? Зачем – я?

– Потому что умеешь помнить иначе. Фантомные острова зовут тех, кто хранит не память о земле, а память о ее снах.

Она замолчала, и между ними воцарилась тишина, похожая на дыхание моря.

– Ты – сестра Серафина, – сказал он наконец. – Но кто ты на самом деле?

Улыбка коснулась ее губ.

– Та, кто уже была здесь много раз. Имя меняется, лицо меняется, но роль одна – открывать путь. Сегодня – Серафина. Вчера – другая. Завтра – никто.

– А я?

– Ты – тот, кто возвращается. Каждый раз чуть дальше, чем прежде.

Они подошли к алтарю. На темном камне лежала маска – ее точные, ни с чем не сравнимые очертания он когда-то видел на пожелтевшей карте, в ряду других забытых символов.

– Возьми, – сказала она, и ее голос прозвучал как продолжение его мысли.

Камень под ладонью оказался на удивление теплым, будто впитал за день солнечное тепло, которого здесь никогда не было. Он поднял маску. Внутренняя сторона была идеально гладкой, как отполированное зеркало. В нем отразилось не его лицо, а та самая линия с карты, теперь ставшая реальностью.

– Что со мной будет?

– То, что всегда происходит с теми, кто видит карту изнутри. Ты станешь ее частью.

Слова растворились в тишине. Свет вокруг Серафины стал прозрачным, и ее облик растаял, словно дым в ветре.

Остался лишь мягкий шелест – дыхание шести карт, дрожащих, как живые.

Маска приблизилась к лицу – и пространство качнулось, как палуба корабля. И вот он стоит на берегу. Влажный песок, густой воздух, вдали – ровная линия моря. Небо серо и безразлично. Все застыло, кроме медленного, как сердцебиение, дыхания волн.

Остров – не место. Это – форма памяти, где карта перестает быть схемой и начинает складываться внутрь, открывая свои изнанки. Здесь нет направлений, но все наполнено смыслом.

Колени сами подкосились, коснувшись земли. Под пальцами – гладкий камень с вырезанным знаком. Тот самый, что он когда-то видел в книге, на пожелтевшей странице.

– Если остров тебя запомнил, – прошептал Бенедетто, – ты больше не можешь исчезнуть.

Из глубины, будто из самой толщи времени, последовал ответ, почти неразличимый:

– Тогда останься. Мы давно ждали, когда кто-то снова вспомнит дорогу.

Туман густел, и в его пелене начинали проступать фигуры. Люди. Они шли по берегу без суеты: кто-то нес книгу, кто-то – свиток карты, кто-то просто смотрел в пустое небо. Они двигались в унисон, словно каждое их движение было частью общего, вечного дыхания.

Бенедетто понял: он не первый. И, возможно, не последний.

Сделав шаг им навстречу, он ощутил, как тихий шепот волн сливается с ритмом его сердца.

ГЛАВА 6. ХРОНИКИ ТЕХ, КТО ИСЧЕЗ

Бенедетто брел вдоль линии прибоя, все еще сжимая в руке маску, снятую сразу после перехода. Ни тревоги, ни усталости – только тишина и сдвиг внутреннего равновесия: то, что прежде было вопросами, теперь стало частью знания.

На прибрежных камнях сидела женщина – лет сорока, в светлом плаще. Рядом лежал раскрытый фолиант, который издали напоминал атлас. Он приблизился, не произнося ни слова. Женщина не обернулась.

– Если дошел до моря, значит, все еще ищешь, – сказала она. Голос звучал мягко, с едва заметным чужим акцентом.

– Я думал, здесь не разговаривают.

– Здесь ничего не объясняют. Но если кто-то говорит, значит, еще есть те, кто способен слышать.

Бенедетто присел рядом. Книга на коленях женщины была исписана странными знаками – ни алфавит, ни формулы. Проведя ладонью над страницей, он заметил, как поверхность словно ожила – будто откликнулась на его прикосновение.

– Что это?

– Карта. Но не географическая – хроника снов. Те, кто живет между слоями слишком долго, начинают видеть остров не как место, а как структуру пересечений. Эта книга – их следы.

– Ты давно здесь?

Женщина посмотрела к линии горизонта.

– Пятнадцать лет. А может, один день. Здесь время стирается, как только теряешь имя.

– Меня зовут Бенедетто.

– Теперь – уже нет, – спокойно ответила она. – Можешь хранить старое имя, но остров назовет иначе. Здесь имена – формы, а не звуки.

Ее ладонь коснулась его запястья. На коже проступил узор – тонкая спираль с точкой в центре, внутри – крошечный знак, похожий на перевернутую «А».

– Это не знак и не татуировка. Это имя, как его видит остров.

Женщина снова погрузилась в чтение.

– Здесь есть и другие. Не все желают говорить. Некоторые молчат столетиями. Но ты все равно их встретишь.

– Ты пришла сюда одна?

– Нет. Со мной был муж. Он изучал карты Антикитеры. Нашел проржавевшую пластину с незнакомыми символами. Мы проследили линию совпадений – и пришли к морю. Он шагнул первым, я – позже. Он исчез. Или стал другим. Иногда мне кажется, он все еще помнит меня.

Она поднялась, взяла книгу и направилась вдоль берега.

– Не следуй. У каждого свой путь.

Ее силуэт растворился в мареве. Бенедетто остался стоять возле камня, слушая шум волн. Все, что он знал о времени, оказалось ошибкой. Здесь не было «до» и «после» – только живое «сейчас», как если бы сама память говорила через пейзаж.

В глубине острова открывалось строение, напоминавшее замок. Его стены были сложены из темного влажного камня, а в центре зала располагалась ниша с книгами.

На входе сидел мужчина с тонкими чертами и бесконечно уставшим взглядом. Перелистывая страницу, произнес:

– Ты пришел посмотреть на себя?

– Что вы имеете в виду?

– Здесь хранятся хроники. Иногда – записанные, иногда – еще нет. Но каждая открывается тому, кто готов читать ее как часть себя.

– Значит, тут все, кто был до меня?

– И те, кто будет после. Остров не знает разницы.

Мужчина встал, прошел к шкафу, провел пальцами по корешкам. Один том едва заметно дрогнул.

– Возьми. Но только если готов дочитать до конца. Даже последнюю страницу.

На первой странице книги Бенедетто увидел свое имя, дату прибытия в монастырь, первое упоминание о Сан-Борондоне, разговор с отцом Армано, встречу с Серафиной. Страница за страницей повторяли все точно, даже мысли, которые он никогда не произносил вслух.

На одной из страниц была всего одна фраза: *«Если остров тебя запомнил – ты больше не можешь исчезнуть.»*

– Я уже читал это.

– Разумеется. Так все заканчивается. И начинается.

Следующая страница оказалась пустой.

– Могу дописать?

– Нет. Она заполнится, когда уйдешь.

– А ты кто?

– Тот, кто не дописал. Но ты можешь пойти дальше.

На рассвете восточный ветер трепал его волосы. Перед ним возвышалась скала, и над ней мерцал круглый знак.

У подножия скалы сидел ребенок, лет семи, чертил пальцем по песку.

– Это тоже карта?

– Нет. Способ запомнить то, чего не было.

– Ты давно здесь?

– Всегда. Или еще нет.

– Знаешь, что будет дальше?

– Ты уйдешь. Но не совсем.

– Как это?

– Останешься на карте. Как след. Другие найдут тебя и вернутся.

Мальчик продолжал чертить круги. Когда последняя линия сомкнулась, туман за его спиной начал медленно рассеиваться, будто само пространство вспомнило прежний рисунок.

Бенедетто сделал шаг вперед – и вдруг ощутил, что путь не ведет ни вперед, ни назад. Он лишь возвращает к тому, что уже было пройдено, но иначе – как эхо времени, повторяющее форму,

а не событие. Куда бы ни привела дорога, карта уже хранила его форму. Он стал частью хроники.

ГЛАВА 7. ТОПОГРАФИЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ

Все началось с легкого шелеста – словно кто-то переворачивал страницы в пустом зале, где время и пространство теряли привычный смысл. Бенедетто уже не находился на острове; ему казалось, что он находится в библиотеке, где обычно изучал документы и рукописи.

Перед глазами лежала книга – серая, плотная, обернутая в грубую ткань. На обложке – вырезанный символ: треугольник, вписанный в круг и перечеркнутый диагональю. Этот знак уже встречался прежде, и теперь возвращался как запах детства, хранимый в памяти комнаты, которой больше нет.

Пальцы потянулись к книге, но прежде чем прикоснуться, за спиной прозвучал голос:

– Все еще хочешь ее читать?

У окна стоял старик в черной рясе. Лицо покрыто морщинами, будто пергаментный текст, выцветший от времени; глаза светились спокойствием. Очки он держал в руках, но не надевал.

– Не уверен, – ответил Бенедетто. – Возможно, я уже писал ее.

Старик кивнул:

– Сомнение – добрый знак. Оно говорит, что подошел к границе, а не перепрыгнул ее без оглядки. Здесь все складывается иначе: иногда книга читает тебя, иногда – ждет, пока ты сам станешь ею.

Он присел напротив.

– Меня звали Доминико. Когда-то я искал острова. Потом – следы. Потом – тех, кто оставлял следы. В конце понял: сам стал примечанием к чужим поискам.

Бенедетто взглянул на книгу.

– Почему она здесь?

– Потому что ты здесь. Книги не ждут на полке – они появляются в момент совпадения: когда человек и возможность быть прочитанным становятся одним.

Первая страница открылась сама. На ней – карта, живая и пульсирующая, линии сходились и расходились, словно сосуды. В центре – слово *REDDITUS* – «возвращение».

– Возвращение куда? – прошептал он.

– Неважно. Главное – откуда.

Зал сменился коридором. Белые плиты стен мерцали, по ним текли знаки, напоминающие строки молитвы. В нишах сидели фигуры: одни читали, другие просто ждали. У дальней стены женщина подняла взгляд.

– Помнишь меня?

– Серафина... – прошептал Бенедетто.

Она кивнула. В ее лице появилась серьезность, которую невозможно было не заметить.

– Я думал, ты исчезла.

– Никто не исчезает. Мы просто меняем форму существования.

Он приблизился к женщине, которая напоминала ему Серафину.

– Я нашел книги. Видел следы других.

– И сам стал частью хроники. Теперь твой путь – не только твой.

По нему уже идут другие.

– Я все еще здесь?

– Неверный вопрос. Скажи иначе: что ты теперь? Ты не в месте, ты в движении. Движение само создает пространство.

Ее образ растворился, как фраза, стертая на полях, оставив только след чернил.

Коридор привел Бенедетто в круглый зал. Пол из светлого камня был разделен на сектора. Над каждым – имя. Некоторые знакомы: Коссима ди Лаура, Карлос Монтес, М. В. без расшифровки. Один сектор – пуст.

Стоило ступить в него, как воздух зазвенел, словно камертон. Над головой вспыхнула проекция уже знакомого ему острова. В центре проекции мерцала фраза:

Ostium non invenitur, nisi memoria vocet – «Вход не находится, если не позовет память».

Глаза закрылись сами, и тогда прозвучал новый голос – детский, живой, озорной:

– Снова думаешь, что пришел сам?

Перед ним стоял мальчик – тот самый, что рисовал круги на берегу. Теперь в руках у него была маленькая книжка, перетянутая ремешком.

– Я считал, ты часть острова.

– Все здесь часть чего-то. Но некоторые – часть тебя.

– А ты?

– Тот, кто помнит дорогу, даже если ты забыл, зачем шел. Мы встречаем тех, кого еще не встретили.

– Знаешь, что мне делать?

– Уже сделал. Просто не знаешь, когда.

Мальчик протянул книжку:

– Это твой путь. Но ты его пока не читаешь. Ты его продолжаешь.

Книга оказалась легкой. На первой странице – подпись. Почерк знаком, но не собственный.

– Кто это написал?

– Тот, кем ты будешь.

Пространство сменилось залом с высокими окнами. На стеллажах – не книги, а маски. У каждой – лицо. Узнаваемые, чужие, недописанные. Одна – гладкая, без глаз, но с губами.

– Ищешь форму? – спросила маска.

– Ищу завершение. Я могу здесь остаться?

– Нет, ты запомнишь карту и уйдешь. Но карта запомнит твой путь.

– А если забудет?

– Только человек способен забыть себя. Но след уже оставлен.

Бенедетто раскрыл последнюю страницу своей книжки. На ней – короткая надпись:

Non locus sed vestigium.

Под ней – имя: Benedetto Vecchio.

Теперь все стало ясно. Не важно, где находишься. Важно, что кто-то когда-нибудь положит ладонь на эту страницу – и почувствует: здесь уже кто-то был.

ГЛАВА 8. ПОСЛЕ КАРТЫ – ТЕНЬ

Никто не сказал Бенедетто, что это последняя комната. Просто в какой-то момент дыхание остановилось само, и стало ясно: дальше идти нельзя, пока не удержишь его внутри. Все вокруг застыло, как перед затмением. Свет, стены, книги, даже пыль в воздухе – все замерло, позволяя услышать то, что обычно скрывается за звуками: присутствие. Оно не имело формы, но находилось здесь, рядом, как дыхание, ставшее пространством.

Комната была пуста. Лишь стены покрыты множеством изображений – словно кто-то наносил карту поверх карты, слой за слоем, не стирая прежнего. Мир здесь не описывался – он накапливался. Каждая линия – след взгляда, каждая вмятина – отпечаток ладони. Бенедетто подошел ближе и различил в этих контурах все: остров, монастырь, библиотеку, морскую гладь, свой силуэт и даже нечто, напоминающее то, что существовало до него.

Он стоял в центре – без книги, без маски, без имени. Все, что когда-то называл собой, растворилось – не исчезло, а стало прозрачным. Здесь решался не исход, а окончательное распознавание: совпадет ли тень, которую он когда-то отбрасывал на карту, с самим источником света.

На одной из стен дрогнула проекция. Темная волна прошла по рельефу, будто дыхание, и из глубины проступила дверь. Узкая, каменная, с надписью:

Exitus non per finem, sed per memoriam.

(Исход – не через конец, а через память.)

Бенедетто не решался войти. И тогда прозвучал голос – негромкий, но уверенный:

– Думаешь, дошел до предела?

В углу проявился человек в белом. Его лицо показалось знакомым – не из этой жизни, но из ее тени. Ни возраста, ни выражения, лишь прозрачная ясность.

– Я думал, стал частью карты, – произнес Бенедетто.

– Ты стал ее знаком. Но еще не ее осознанием.

Бенедетто приблизился. – Можно задать вопрос?

– Один.

– Остров существует?

Человек в белом кивнул: – Ровно настолько, насколько ты стал им.

Бенедетто вышел из комнаты в узкий коридор. Стены были серыми и гладкими, без каких-либо изображений. Впереди мерцал свет – не дневной и не лунный, а тот, что бывает только во сне.

У выхода ждала женщина в простой серой одежде, без символов.

– Я ждала, – сказала она.

– Сестра Серафина?

– Имя уже не имеет значения. – Теперь ты понимаешь, кто ты?..

Теперь ты – его голос.

Она подошла ближе и коснулась коснулась руки Бенедетто:

– Мы не хранители. Мы – эхо. И ты теперь одно из них.

– Я боялся забыть... – прошептал Бенедетто.

– Ты останешься? – спросила она.

Ответа не последовало. Только тишина, в которой было все.

Шаг. Ветер коснулся его лица... Фигура начала растворяться медленно, словно след на песке после прибоа.

Когда тень окончательно исчезла, в другой библиотеке, в другой эпохе кто-то открыл ящик с картами. На дне лежал плотный лист бумаги. На нем – контур острова, отсутствующий во всех атласах.

Внизу – имя: **Benedetto Vecchio**. И подпись:

Non locus sed vestigium (*Не место, а след*).

Свет лампы дрогнул, словно кто-то прошел мимо, оставив едва уловимый запах соли и старого пергамента.

ПОСЛЕСЛОВИЕ ОТ АВТОРОВ

Рукопись, лежащая в основе этой повести, была обнаружена среди неатрибутированных материалов в одной из внутренних секций ватиканского картографического архива. Ее происхождение не подтверждено документально, однако характер бумаги, используемого языка и композиционная структура текста указывают на возможное происхождение из середины XVII века. Имя автора – Бенедетто Веккио – фигурирует только в одной подписи, выполненной чернилами, частично стершимися временем. Ни в одном из официальных реестров исследователей, орденских делегаций или посетителей архива данное имя не значится.

Авторы сочли возможным опубликовать этот текст с минимальными стилистическими правками, сохранив структуру, ритм и внутреннюю символику повествования. Мы не ставили перед собой задачу «раскрыть» или «объяснить» смысл событий, описанных в рукописи. Их можно трактовать по-разному – как внутреннее паломничество, как философский миф, как мистическую хронику, как аллегорию памяти. Возможно, все эти прочтения справедливы. Возможно, ни одно из них не окончательно.

Мы благодарим сотрудников библиотеки, не пожелавших быть упомянутыми, за содействие в получении доступа к материалам, а также за устные свидетельства, подтверждающие существование фигуры, известной под именем «монах с севера», работавшего в секции картографических аномалий. Его след, как и след фантомных островов, остается непроверенным, но устойчивым.

Читатель вправе задать вопрос: существовал ли остров? Был ли он? Был ли этот человек? Были ли эти книги? Ответ – в самой карте. В ее дыхании, в ее паузах, в ее белых полях. Именно там, где ничего не нанесено, и рождается возможность увидеть саму память мира.

И если, закрывая последнюю страницу, вы ощутили, будто кто-то невидимый наблюдает за вами – не пугайтесь. Возможно, просто карта запомнила, что вы были частью ее пути...

Виктор и Сергей Хареговы

ПРИМЕЧАНИЕ: О МИСТИКЕ И ПАМЯТИ

От живого манекена к живой карте: параллели мистики в прозе Александра Грина и повести «Фантомные острова».

Мистика в литературе – не украшение, а форма откровения, способ выразить то, что выходит за пределы разума. Именно такую роль она играет и в рассказе Александра Грина «Серый автомобиль» (1923), и в повести «Фантомные острова». Оба произведения, различающиеся временем и стилем, обращены к одной теме – границе между творцом и созданным им миром, между образом и реальностью.

В «Сером автомобиле» Грин показывает трагедию сознания. Изобретатель Эбенецер Сидней, влюбленный в Корриду Эль-Бассо, теряет связь с действительностью. Он уверен, что девушка – ожившая восковая фигура, созданная им самим, а серый автомобиль, преследующий его, – знак неведомой силы, пришедшей за ним из-за границы восприятия. Мир Сиднея становится отражением его страха и безумной веры в собственное творение.

Мистика Грина – внутренняя, психологическая: она рождается в столкновении желания победить смерть и невозможности отличить живое от созданного.

В повести «Фантомные острова» мотив похожий, но его направление противоположно. Картограф Бенедетто не стремится оживить иллюзию – он ищет живое в самом акте познания. Карта, над которой он работает, оказывается существом, способным

помнить, дышать и отражать мысль исследователя. Где Сидней видит угрозу, Бенедетто видит откровение. Первый разрушает границу между реальностью и воображением, второй – осознает, что сама граница и есть форма бытия.

Оба героя сталкиваются с двойником – отражением собственной души. У Сиднея это Коррида и серый автомобиль – воплощения любви и страха, жизни и смерти. У Бенедетто – зеркала, карты и свет, через которые проявляется память мира. Оба проходят путь от созидания к распаду, но итог разный: герой Грина гибнет, не выдержав столкновения с собственным образом, а герой «Фантомных островов» растворяется в гармонии, становясь частью света и памяти.

Обе истории говорят об одном и том же: человек, создающий форму, неизбежно встречает ее душу. У Грина это трагедия гордыни, у автора «Фантомных островов» – откровение смирения. Мистика в обоих случаях – это способ познания мира через пределы человеческого восприятия. Но если Грин показывает крушение художника, не выдержавшего своей силы, то Бенедетто открывает иной исход – понимание, что все созданное уже живет.

Так «Серый автомобиль» становится прообразом философской мистики «Фантомных островов». Оба произведения соединяет идея: человек не просто творит реальность, он сам становится ее частью. От живого манекена к живой карте – путь от страха перед созданным к принятию его как продолжения жизни. В обоих случаях творчество становится пространством, где человек ищет вечность. Но если гриновский художник рушится под тяжестью своего дара, то герой «Фантомных островов» находит в этом даре путь – дорогу внутрь, где искусство уже не подражает жизни, а сливается с ней.

Авторы, осень 2025 года

— — — — —

Все имена и события вымышлены; любое совпадение с реальными людьми или фактами – случайно.